

Танец пустоты

Автор:

Олаф Бьорн Локнит

Танец пустоты

Олаф Бьорн Локнит

Конан в Шадизаре #2

Роман "Танец пустоты", посвящен юношеским похождениям великого киммерийца в Городе Воров – Шадизаре.

Олаф Локнит

Танец пустоты

Спирали без слияния

Авторское предисловие к роману...

и краткий очерк истории

Хайборийской цивилизации

1. Возвращаемся в Шадизар!

Если вы живете в Британии, Франции, России, Германии или Америке, имеете образование на уровне школы или колледжа, не говоря уж об университете, то с большой долей вероятности вы можете рассказать, что именно происходило в вашей стране и вокруг ее границ в прошлом.

Общеизвестно, что история, а особенно история так называемых «Темных веков» эпохи варварских завоеваний, есть наука крайне запутанная, неточная и создающая любому исследователю массу проблем. Собственно, на базе дошедших до нас летописей можно строить любые, самые безумные предположения, и по методу бузины в огороде истолковывать любое событие и его последствия в удобной вам интерпретации. Я полностью согласен с известным высказыванием, гласящим, что истории как таковой вообще не существует, а есть множество взглядов на одно и то же историческое событие.

Пример. Если в 1100-1200 годах нашего тысячелетия каждый житель Европы, от распоследнего крестьянина до самого великого короля знал, что Крестовые походы – это долг чести каждого христианина, а освобождение Иерусалима от неверных есть великое дело всей жизни, то совсем недавно, в 1999 году, когда отмечалось девятисотлетие взятия Иерусалима армией крестоносцев, представители некоторых дворянских семей Европы приехали в Израиль – извиняться перед арабами и евреями за деяния своих далеких предков.

Лично я подобных действий категорически не одобряю (ну представьте, как правительство Норвегии извиняется перед президентом, например, России, за то, что викинги воевали с древними княжествами Руси. Или как Испания просит прощения у Мексики за завоевания конкистадоров? Бред...) Впрочем, речь сейчас не о том. Показателен сам пример взгляда людей разных эпох на Крестовый поход. Если для графов Булонских эпохи 1099 года он был великим героическим подвигом, то отягощенные современными идеями «европейской демократии» потомки названной семьи полагают, что поход был отвратительной бойней, за которую надо просить прощения.

Кто прав? И те и другие. Каждый прав со своей точки зрения детей различных цивилизаций – раннефеодальной и информационно-техногенной.

Да при чем тут сага о Конане, спросите вы?

Сейчас объясню.

В этом томе я представляю читателю вторую часть большого романа с общим названием «Отмычки Бела», повествующего о юных годах нашего Героя. Напомню, что события романа происходят весной и летом 1264 года, и начинаются они с того, как шестнадцатилетний киммерийский мальчишка пришел в славный город Шадизар, как познакомился с ушедшей компанией обитающей в трактире «Уютная Нора», как впервые познакомился с делами Большого мира и что произошло потом... Это роман о людях, жрецах, богах, мафии и великом бардаке, учиненном не такой уж большой компанией мошенников. Полагаю, пересказывать содержание первой части бессмысленно – все поклонники Саги наверняка ее читали. Однако тут возникает одно большое НО.

Дело в том, что история появления Конана в Шадизаре уже давно описана. Тут можно вспомнить повести К. Уэйнрайта «Тигр у врат Шадизара», Д. Мак-Грегора «Пантера с изумрудными глазами», Д. Брайдана «Диадема богини»... И еще много текстов разных авторов, в которых Вечный Герой прибывает (в который уже раз...) в столь ожидаемую им столицу Заморы. И персонажи одни и те же, и события похожи друг на друга как две капли воды – вечно-то мы с Ши Шеламом крадем какие-нибудь магические предметы, вечно-то мы срезаем кошельки и залезаем в чужие форточки, и всегда-то нам ничего кроме розыгрышей с этого получить не удастся. И все начинается по новой: кража, выпивка, девочки, пустой кошелек, кража, выпивка, девочки...

– Надоело! – однажды рявкнул я и стукнул кулаком по столу. – Сколько же можно терпеть тупой стандарт в виде вышеописанного замкнутого круга! Хватит! Теперь я напишу большой (по-настоящему Большой) роман о первых годах жизни Конана в Шадизаре! И там все будет правильно. С моей личной, собственной, частной, индивидуальной и персональной точки зрения. Которую, кстати, разделяет значительная часть читателей.

Есть такое событие в истории Хайбории: Конан пришел в Шадизар. Как я уже упомянул, это только событие, а взглядов на него может быть превеликое множество. Полагаю, мой тоже интересен.

Основные «параметры» цикла «Шадизарские ночи» я, безусловно сохранил. Город узнаваем, непременный Ши Шелам – одно из главных действующих лиц, роман в достаточной степени насыщен привычными шадизарскими шуточками, но есть и второй план, куда более серьезный: становление Конана как личности.

Как человека, которого не сумел испортить Город Воров, как человека, сумевшего через двадцать лет стать королем самой великой страны Закатного материка. Я попытался проследить за тем, как разворачивалась одна из самых грандиозных шадизарских авантур Конана, в которой оказались затронутыми интересы не только людей, но и сил божественных. Открою небольшую тайну – когда все кончится, извиняться перед Сетом, Иштар, Дэркетом и Нергалом за непотребные деяния шайки Аластора отправят именно Конана, как самого младшего... Но это в будущем. Длинная история, повествующая о случайно найденных отмычках бога воров Бела, еще незакончена и недописана до логического финала.

Кстати, одна небольшая деталь. Один из моих редакторов однажды высказал мнение, с которым я абсолютно согласен: Шадизар, это только Шадизар. Город, не похожий ни на какой другой; город, в котором смешались в невиданном конгломерате Западная и Восточная цивилизации Хайбории. А потому, я разделяю точку зрения означенного редактора – Шадизар не должен быть похож ни на Багдад из «Тысячи и Одной ночи» или на Флоренцию из итальянских сказок. Шадизар уникален. Он незаметно соединяет все элементы волшебных сказок и плутовских романов, Заката и Восхода, магии и реальности жизни...

Я полюбил этот город. Наверное, навсегда.

2. А что же Хайбория?

Как сказал один из классиков, «история мидян темна и непонятна».

Всем известно, что «официальная история» Хайборийского материка исчисляется со времен святого Эпимитриуса, и то далеко не все авторы придерживаются данного положения, шествуя вслед за основателем Саги Робертом Говардом. Говард в соответствии с традициями литературы 20-30-х годов XX века был прост и незамысловат. Берется с потолка цифра в 20 тысяч лет, в следующем рассказе 20 тысяч почему-то превращаются в пять... или в пятьдесят пять. Обнаруживается магический артефакт, которому 15 тысяч лет, или гробница, которой тридцать... В общем, все это было во времена Валузии, а когда были времена Валузии – никто не знает и знать не хочет, потому что это якобы не принципиально.

А ну-ка, почтенный читатель, верни эту книгу на полку, пойдя в исторический музей и найди хотя бы один предмет, возврат которого измерялся бы тремястами столетиями. Ну, или полутора сотнями.

Замечу, что самые старинные артефакты, хранящиеся, например, в Британском музее Лондона, датируются (приблизительно!) эпохой 8000 года до Р.Х., а все, что старше – вроде черепов питекантропов – отстоит от Рождества тоже весьма ненамного.

Хорошо же. Представим себе следующую картину. К какому-нибудь собирателю древностей, живущему, допустим, в Нью-Йорке или Мюнхене, приходит высоченный человек с длинными черными волосами и клинком за спиной, кладет на стол вещицу, по виду почти новую, и заявляет: «Привет, босс, я Конан из Киммерии! Тут по случаю достался артефакт валузийских времен – наверное, ему не меньше тридцати тысяч лет! Покупай!»

Назвавшийся Конаном из Киммерии вовсе не получит чемодан с пачками долларов, и секретарша коллекционера после первой же фразы вызовет «Скорую», которая отвезет беднягу к психиатру. Вероятно, точно также поступил бы собиратель редкостей и в Хайбории, принеси ему Конан вещь подобного возраста. И не надо ничего списывать на магию! Вы, как постоянные читатели литературы *fantasy*, отлично знаете – никакая магия не вечна, она имеет свойство «выветриваться».

«Но ведь и до Хайборийской цивилизации на земле кто-то обитал! – возразят мне. – Тому есть множество свидетельств! Валузийцы, змееногие, альбы, гномы, атланты, василиски и разумные животные! В конце концов, существовала Кхарийская империя!»

Да, существовала. Но не десять тысяч лет назад, а значительно раньше. Стандартный срок возраста империй, прежде чем они развалятся – около тысячи лет. Рим протянул около полутора тысяч лет, Византия – ровно тысячу, империя франков – всего пятьсот лет, Россия – чуть более семисот и я уже не говорю про так называемые «колониальные империи», закончившие свое существование в XX веке – Франция, Испания, Британия, Германия... Почему, собственно, социальные и политические законы Хайбории должны отличаться от законов знакомого нам мира? Ведь Говард со всей ясностью утверждает – все события Саги происходили у нас, на Земле. Опять магия? Да не верю, хоть мне кол на

голове тешите! Социальные законы одинаковы для всех эпох.

Отсчитаем от времени коронации короля Конана 1288 лет, которые мы будем считать «Аквилонской эпохой», и что же мы увидим? На еще не остывших от огня развалинах Кхарии короли Алькой и Олайет при поддержке святого Эпимитриуса возводят новый мир, так хорошо знакомый нам по романам Саги.

Следовательно, Кхарийская империя погибла совсем недавно, и жизнь на Закатном материке текла приблизительно так же, как в 400-500 годах от Р. Х., когда германские и славянские варвары сокрушили Рим – множество небольших варварских королевств, уничтожение прежней цивилизации, кроме тех полезных вещей, которые она создала ранее и способных пригодиться упомянутым варварам, разбой на дорогах, непринужденный беспредел в политике и экономике... В общем, обычная картина после крушения великого государства.

Полагаю, что основатели Аквилонии, Алькой и Олайет, были очень похожи на короля сикамбров Хлодвига, первым объединившего варварские земли: Хлодвиг принял христианство благодаря святому Ремигию, а двое братьев-аквилонцев при помощи Эпимитриуса сделали митрианство основной религией своей страны; Хлодвиг небезуспешно вел войны с соседями, расширяя границы своих владений, и тем же занимались два Изначальных короля; Ремигий искоренял среди франков прежние религии, и Эпимитриус преуспел на данном поприще... Видите, как все похоже?

Но что же было до Эпимитриуса, Алькоя, Олайета и Хайборийского нашествия?

«Кхария», – ответите вы.

– А до Кхарии? – спрашиваю я. Мы уже выяснили, что срок существования империи – в среднем тысяча лет. Значит, самый ранний кхарийский артефакт, способный попасть в руки Конана, может датироваться возрастом в 2300 лет ($1288+1000=?$). Хорошо, согласен, была Атлантида, существовавшая параллельно с кхарийцами и затонувшая приблизительно за 300 лет до разрушения Пифона и Ахерона. А до того? Валузия? Согласен. Набросим еще тысячу лет. А раньше? Цивилизация альбов и прочих нечеловеческих существ, обитавших на Закатном материке? Тоже согласен, но последние к истории человечества имеют лишь самое касательное отношение. Смело округляем получившуюся дату и выясняем, что Валузия получила свое основание

приблизительно за 2500 лет до пришествия святого Эпимитриуса. Ну, и где 300 столетий? Где артефакты, которым по десять тысяч лет в каждом глазу? Самое смелое, что я могу предположить – это существование во времена эпохи Конана каких-нибудь артефактов, оставшихся от альбов (которые, впрочем, человечество искренне ненавидели и никогда не допустили бы, чтобы альбийские магические вещи попали в руки недоразвитых смертных дикарей).

У нас есть на руках достаточно известная история гномов и старейшего существа закатного материка – василиска Тача, обитающего в Ямурлаке. Тач утверждает, будто ему всего восемь тысяч лет и «вся история континента прошла перед его глазами». Он успел повидать и застать всех – альбов, Валузию, Атлантиду, Кхарию, Хайборию. Уж простите, гигантские даты никак не получаются. Нет, безусловно, слова «артефакт, которому сто столетий», звучат красиво, но абсолютно нереально.

А что же было до? До Валузии? Да, альбы, гномы, эпоха неизвестных людьми божеств наподобие Черного Роты-Всадника, великие катастрофы, которые человек, появившийся значительно позже, так и не увидел, затопление материков и подъем из глубин новых островов – вспомним хотя бы Атлантиду...

Историю нечеловеческих рас Хайбории я здесь не рассматриваю, но я обязан сообщить вам свое мнение. Человек на Закатном материке появился приблизительно в 2500-2000 годах до наступления Аквилонской эпохи. И на месте многих авторов Саги я не разбрасывался бы тысячелетиями, как хлебными корками во время кормления голубей.

В Саге упоминаются некоторые значительные исторические персонажи, в основном это короли Аквилонии и Немедии, а также великие маги древности – Роберт Говард и его американские последователи придумали несколько имен вроде Ксальтотуна, Скедоса или Аримана, живших уже в «историческую эпоху», но тем и ограничились, не уточнив дат. Зато есть более интересные исторические ссылки на деятелей политики. Алькой и Олайет, король Гвайнард Боссонский (716 год), создатель ныне существующего упорядоченного лунного календаря, небезызвестный Сигиберт Завоеватель (1080 год), расширивший границы Аквилонии до нынешних пределов, и некоторые другие. Очень надеюсь, что однажды я смогу взяться за историю Хайбории «до Конана» более серьезно и сделать хотя бы основную годовую выкладку событий, происшедших до воцарения на троне Тарантии Киммерийской династии.

3. Что происходит сейчас?

Удивительно, но даже на времена правления Конана в Аквилонии вокруг границ трона Льва царит жизнеутверждающий бардак. Помните, в 1289 году случилось так, что во время войны Конан умудрился устранить короля Кофа Страбонуса и офирского монарха Амальрика. Кто-нибудь из вас помнит или знает, кто стал править в Кофе после Страбонуса? А в Офире? Кто мне ответит, кто стал монархом Зингары после Фердруго и хотя бы в каком году случилась смена власти? Если вы помните, Конан убил Ездигерда Туранского во время путешествия за похищенной Зенобией (1295 год), и что, Туран так и остался без правителя?

Самая великая беда Роберта Говарда была в том, что Хайборийский мир его не интересовал именно как Вселенная. Вспомним Дж. Р. Р. Толкина – расписано все, что можно, а события «Властелина Колец» в приложениях к роману поданы чуть ли не по часам. Читая «Властелина» и встретив на странице незнакомое имя, я могу заглянуть в справочник и узнать, когда жил данный конкретный человек, чем был знаменит, на ком женился и какие подвиги совершил. Хайбория волею многих авторов превратилась в огромный, но совершенно непроработанный мир, отчего путаются и сами авторы, и читатели. В разных романах даются ссылки на предыдущего короля Аквилонии Нумедидеса, но о нем мы знаем только то, что Конан задушил его на ступенях тронного возвышения (хотя на мой-то взгляд, все было совсем не так, но это уже другой роман...). Но ведь Нумедидес не из воздуха возник! Это же династия, причем династия, продержавшаяся на троне весьма значительное время! Кто такие Просперо и Троцеро, и откуда они появились? Только не говорите, что из Пуантена, это я и так знаю... При всем моем уважении к родоначальнику Саги я могу лишь горько вздохнуть и сказать ему: «Боб, что ж ты натворил?».

Да, Говард создал для себя театр, где играет один Конан, а все остальные – статисты. Герой ходит, разбивает головы демонам и злым магам, портит девиц, крадет артефакты и вообще геройствует направо и налево. Никаких кулис, никаких декораций, никакой подсветки, сопровождения хора. Я на такой спектакль не пошел бы. Один актер, голая дощатая сцена, из которой торчат деревья из папье-маше и условные «дворцы», «пещеры», «склепы» и «трактиры».

Скажите мне пожалуйста, драгоценные мои читатели, пошли бы вы сейчас в кино на фильм конца 20-х годов? Наверное, пошли бы. Чарли Чаплин, Макс Линдер, Гарольд Ллойд, Марлен Дитрих, Бастер Китон... Но ответьте, стали бы вы смотреть современный фильм, снятый в стилистке и с использованием технологий восьмидесятилетней давности? Нет, разумеется, нас гораздо более привлекают Де Лаурентисы, Джеймс Камерон, Андрон Кончаловский, не говоря уж о Спилберге. Мы хотим качественных спецэффектов, цветной пленки без царапин, квадрослуха, а если уж совсем повезет – стереоэффекта при просмотре.

Тогда почему с литературой по-другому? Если мы, взяв в руки книгу Говарда, представим себе, что перед нами фильм 20-х годов с тряпичными драконами, но столь запоминающимся «немым» героем вроде Бастера Китона (а напомним, что большинство книг Говарда пришлись на самый конец второго и начала третьего десятилетий нашего века), то, купив книгу, написанную в 2000 году, где по-прежнему бродят драконы из тряпок и тролли из папье-маше... Подумайте сами, как кинокритика отнеслась бы к новому кино Джеймса Камерона, снятому на черно-белой пленке с сопровождением плохого тапера и с использованием допотопной камеры на ручном приводе? Один такой фильм можно перетерпеть – новый авангардистский трюк изощренного Мастера, возвращение к старинной методике, стилизация... и так далее. Но дальше – хуже. Знаменитый режиссер все свои фильмы снимает именно так. Все до одного. Без какого-либо развития.

Его выгнали бы из Голливуда через год с позором и вручением премии «Золотая клюква».

Тогда хотелось бы узнать – а почему в литературе мы терпим кинематограф 20-х годов? Читатель не поймет? Читатель привык? Так простите, к немому кино тоже привыкли, а продюсеры не хотели брать в массовый прокат звуковые фильмы. И что? Мы все поголовно до сих пор смотрим Чарли Чаплина и «Броненосец «Потемкин»?

Повторяю в который раз: «немое кино» Роберта Говарда было хорошо только для своего времени. Конан тех лет стал лишь основоположником литературы «меч и магия», значительно трансформировавшейся за последние семьдесят лет. Точно также, как и Чаплин стал родоначальником комедийного кино.

Но время идет, ничто не стоит на месте – ни кинематограф, ни литература. И посему, когда я снова увижу на прилавке книжного супермаркета новый том

Саги, повествующий о том, как Конан сходил в зачарованный город, перебил кучу монстров, забрал артефакт двадцатитысячелетней давности и вернулся за наградой (которая затем была немедленно пропита), мне хочется и смеяться, и рыдать.

Давайте будем помнить, что Конан – это не кукла, предназначенная для разбивания черепов. Что Хайбория – это не сцена без декораций. Что в этом мире живут живые люди, умеющие думать, чувствовать и получать удовольствие от бытия ничуть не хуже нас. Давайте подумаем, что нам нравится больше – черно-белое немое кино или?..

Пролог

«Нора» и ее обитатели

Середина лета 1264 года

от основания Аквилонии.

Город Шадизар, Замора.

Утро, начинающееся с истошного вопля, может предвещать крушение мира, но иногда, в редчайших случаях, означает возвращение к старым добрым временам. Вопль был добротный, с подвываниями и повизгиваниями, перешедший затем в членораздельную речь. Кому-то грозили оторвать голову, разодрать на сотню мелких ошметков и утопить в выгребной яме. Затем хлопнула дверь – с оттяжкой, так что звук пронесся по обоим этажам, заставив старый дом содрогнуться от чердака до подвала – и источник шума явился самолично.

Как выяснилось со всей очевидностью, крики издавал не разъяренный демон, не охотящийся лев и не впавший в неистовство раненый дарфарский олифант, а всего лишь молодой человек. Обыкновенный человек, просто доведенный до той степени бешенства, когда изо рта начинает брызгать пена, а взгляд

приобретает удивительную способность испепелять тараканов и неудачливых прохожих.

– Какая сволочь?! – возопил сей образчик рода человеческого и подкрепил слова действием – изо всех сил метнул вниз увесистый, но тоже вполне обычный сапог – вытершаяся воловья кожа, потускневшие серебряные бляшки и стертая подковка на каблуке. – Кто, я вас спрашиваю?! Мерзавцы! Всех поубиваю!

Обычно такое начало дня вызывало бурные отзывы соседей, ибо дело происходило в гостинице, постоялом дворе, трактире со сдачей наемных комнат – зовите как хотите. На первый и любой иной взгляд оно представляло из себя двухэтажное добротное строение из желтовато-оранжевого песчаника, затерявшееся посередине Третьего Обманного переуллка шадизарского квартала Нарикано. Местечко именовалось таверной «Уютная нора», служа надежным прибежищем, штаб-квартирой и местом дружеских попоек для небольшой, однако весьма тесной и сплоченной компании, чей род занятий определялся одним веским словом – «противозаконный».

Один из этого маленького дружного сообщества, а именно карманник Ши Шелам, носивший также прозвища Ши Ловкач и Ши Умелые Ручки, стоял сейчас на ветхой галерее, опоясывающей большой общий зал, впустую сотрясая мир обвинениями в адрес вероломных приятелей.

Ши почитал себя оскорбленным до глубины души и жаждал крови. Все имеет свои пределы, в том числе и дружеские розыгрыши! Ну скажите, как поведет себя человек, проснувшийся после разгульной вечеринки, мучимый головной болью, жаждой и необходимостью посетить отхожее место, обнаружив рядом с собой горделиво возвышающийся на подушке сапог? Причем грязный и давно нечищенный? Разумеется, вцепится в это произведение кожаного искусства и швырнет, куда подальше!

Совершенно не обратив внимания на подозрительное обстоятельство, что к ремешкам сапога примотана тонкая, но крепкая жилка, и другой ее конец завершается в том месте, которое любой мужчина (кроме евнухов, само собой) бережет больше всего на свете...

Ши сполна расплатился за невнимательность, и теперь торчал на балконе, чувствуя себя самым несчастным человеком на свете или по крайней мере в этом

городе. В какое-то мгновение перед ним возникло ужаснейшее видение: предмет его тихой гордости отрывается и летит вслед за сапогом. Что будет потом – лучше не задумываться, а сразу лезть в петлю головой. К его счастью, жилку затащили не слишком туго, потому Ши отделался самым большим кошмаром в своей жизни и вылетел на балкон – донести эту новость до всеобщего сведения.

Вчерашняя гулянка свалила с ног даже самых стойких выпивох. Ши убедился, что его вопли пропадают втуне и уныло присел на краю балкончика. Жизнь не имела смысла. Зачем он вчера так напился? Что он вообще тут делает, сидя поздним утром в чем мать родила на досках, грозящих вот-вот обломиться, и страдая, как проклятая душа на Равнинах Смерти? Пойти удавиться, что ли?

Сзади скрипнула дверь. Ши не оглянулся. Вот и первый желающий узнать, какого ляда он надрывается и мешает спать. Друзья, чтоб их всех горячка скрутила...

– Ши, дорогуша, что случилось?

Нежнейший голосок вполне мог принадлежать демонице-искусительнице или какой-нибудь небесной деве из свиты Иштар. За полнейшим отсутствием таковых в славном городе Шадизаре, им владела симпатичная девушка по имени Кэрли – вполне плотское создание с карими глазками и пышной шевелюрой каштанового цвета, разбавленной чисто-белыми прядками (Кэрли полагала, что они придают ее облику неповторимость и почти не ошибалась). Узкий круг людей знал, что милейшая Кэрли на самом деле довольно ловкая воровка на доверии, но с виду...

Ах, с виду – всего лишь еще одна милая девочка с пыльных улиц Шадизара.

Иное дело, что девочки с улиц Шадизара оч-чень редко бывают по-настоящему милыми. Только когда им это необходимо.

– Сгинь, пропади и рассыпся, – буркнул Ши. – Все отвратительно, я прирожденный неудачник, и, о боги, как я хочу пить!..

– С этого бы и начинал, – невозмутимо сказала Кэрли, кутавшаяся в нечто длинное, цветасто-развевающееся и почти прозрачное. – Вставай.

– Зачем? – уныло спросил Ши. – Мне и тут неплохо.

– Будет еще лучше, – посулила девушка, добавив: – У меня есть холодная вода и немного шемского.

– Ненавижу шемское, – искреннее заявил Ши и со слабым интересом уточнил: – Где вода?

– У меня в комнате, – Кэрли на всякий случай указала направление.

Ши тщетно попытался обдумать положение. С одной стороны, зашедший в комнату Кэрли так просто оттуда не выберется. С другой стороны, там есть вода. Может быть, даже холодная.

Последнее победило. Вдобавок нужно как-то убедиться, что пострадавший по милости друзей-приятелей орган действительно не оторвался и находится на своем законном месте!

А того умника, что проделал эту грязную выходку, вполне можно разыскать и потом... Куда он денется?

* * *

В комнате по соседству встревоженная криками девушка бормочет сквозь дрему:

– Что?..

Нынешней ночью здесь пронесся самум, ураган или шторм, безжалостно расшвыряв предметы обстановки, чью-то одежду и сохранив жизнь двум чудом уцелевшим жертвам кораблекрушения. Утлая лодочка, покачиваясь, несет их навстречу рассвету и спасительному берегу, но почему-то каждый из них втайне мечтает вновь оказаться посреди бушующего океана.

– Все в порядке, – успокаивающе произносит молодой человек, осторожно передвигая лежащую под головой подруги руку. – Колеса нашей жизни катятся

по прежней колее. Судя по воплям, кто-то подбросил Ши в постель скорпиона и он чрезвычайно возмущен сим поступком.

– А-а... – сонно кивает Феруза ат'Джебеларик, гадалка и предсказательница, снова роняя голову на подушку. Золотисто-рыжие локоны поблескивают в свете льющихся из распахнутого окна солнечных лучей. Девушка вздрагивает во сне, и тогда ее приятель еле слышно нашептывает ей на ухо что-то успокаивающее.

Ферузе лет двадцать, она довольно привлекательна по любым меркам – Турана, откуда родом ее отец, или Шадизара, где она живет. Человек, лежащий рядом, твердо убежден, что небеса и земля вращаются ради нее одной. Неважно, хороша она собой или нет, он знавал женщин куда красивее и искуснее. Дело в другом. С ней спокойно. Она словно недостающий кусочек его самого, тот самый уголок покоя, всегда ускользавший от него. Молодой человек ловит себя на том, что поневоле улыбается – не как обычно, слегка презрительно и насмешливо – но дурацкой самодовольной ухмылкой юнца, наконец-то сумевшего улестить девицу, по которой сох уже год без малого.

Собственно, ему понадобилось почти три луны – невиданно затянувшийся срок. Благодарение легкости шадизарских нравов и стечению обстоятельств. Однако, заполучив желаемое, его надо умудриться сберечь. Как, скажите на милость, это сделать, если кругом одни проходимцы... да и сам ты ничуть не лучше? Плюнуть, забрать Ферузу и уехать?

Он задумывается, сдвигая темные брови. В нем вообще преобладает темная масть – обманчиво-серьезные глаза цвета траурного агата, иссиня-черные волосы и смуглая кожа. Предки-шемиты наградили его хищным горбатым носом, неунывающим характером, вечно толкающим на авантюры, и имечком Аластор, что означает Дурной Глаз. Он действительно слегка косит, особенно когда увлекается спором. Общественное мнение полагает его лучшим взломщиком Шадизара за последние десять-пятнадцать лет (Аластор с этим утверждением не согласен, считая себя вторым) и редким красавчиком. Против последнего он не возражает, хотя не придает слишком большого значения.

Таверна потихоньку оживает. Слышны разговоры прибирающихся в общей зале слуг и звяканье сметаемых в кучку черепков разбитых на вчерашней гулянке кружек. С улицы прилетают заунывные причитания разносчиков и громыхание телег. Низкий хриловатый голос – не подумаешь, что женский – начинает командовать, заодно намекая постояльцам, что пора вставать. Это

распоряжается хозяйка трактира, Лорна Бритунийка, белогривая амазонка средних лет (правда, без свойственных женщинам этого племени дурацких представлений насчет мужчин и их места в жизни) – особа решительная, строгая и воинственная. Лорну уважают и побаиваются – как соседи и жильцы ее заведения, так и заправила квартала.

Феруза глубоко вздыхает и окончательно просыпается. Карие с золотистыми искрами глаза удивленно оглядываются, не узнавая комнаты. Припомнив вчерашний вечер, она зажмуривается и еле слышно хихикает.

– Тебе смешно, – с преувеличенным трагизмом провозглашает Аластор. – А у меня, можно сказать, впервые в жизни появилась непреодолимая трудность.

– Какая же? – ласково интересуется предсказательница. Она приподнимается на локтях, с любопытством глядя на приятеля сверху вниз.

– Ты, – молодой человек зарывается лицом в спутанные волосы девушки, судорожно, до боли, стискивая ее в объятиях, беззвучно повторяя: – Не покидай меня, не покидай, никогда, слышишь?..

Взвизгивает распахиваемая дверь, кто-то лихо влетает внутрь, растерянно кашляет и торопливо выскакивает в коридор.

– Ой-лэ, и никакой тебе романтики, – с грустью заключает Феруза, устраиваясь поудобнее и наклоняясь, чтобы поцеловать странно примолкшего Аластора. – Пусть судьба рассудит, сколько нам быть вместе и кто кого покинет... Не надо об этом думать, ладно? – она вглядывается чуть расширившимися зрачками куда-то в пустоту или в осыпающуюся штукатурку на стенах комнаты, и кивает: – У нас еще есть время. Много времени.

Аластор хочет спросить, какое время она имеет в виду, но потом решает узнать это попозже. Раз отпущенного им времени много, его наверняка хватит и на разгадывание загадок, и на поиски ответов на заковыристые вопросы.

Но сейчас – сейчас мир состоит только из тихого шепота, прикосновений, неторопливых движений и мягкого, укачивающего тепла. Утонув в теплом облаке, они любят друг друга, снова и снова, пока не раздастся настойчивый стук и чей-то голос не выкрикивает:

– Эй! Все понимаю, прошу прощения, но у нас неприятности! Вам стоит на это взглянуть! Вылезайте!

* * *

Обширный двор таверны, вымощенный булыжником и некогда знававший лучшие деньки, нынче смахивает на поле неравного боя между людьми и природой. Бурьян, захватив дальние углы, упрямо пробивается сквозь потрескавшиеся камни. В центре двора торчит наполовину обвалившийся фонтан, и позеленевшая медная цапля с явным отвращением цедит из клюва мутную водяную струйку.

Двое, он и она, прощаются возле фонтана и никак не могут проститься. Он – гибкое, подвижное, беспокойное создание, похожее на хищного и сообразительного зверька, хорька или ласку. Выгоревшие на солнце песчано-рыжие длинные волосы то и дело падают молодому человеку на лицо, он мотает головой, продолжая в чем-то настойчиво убеждать подружку. Она – глазастая, с парой темно-каштановых кос, на кончиках которых раскачиваются, звякая, крохотные бубенцы. В отличие от парня, девушка производит впечатление особы из приличного семейства – торгового, а может, и дворянского.

Его зовут Хисс Змеиный Язык, он мошенник, изготовитель поддельных драгоценностей и фальшивых документов, азартный игрок и, как уверят молва, способен всучить кому угодно что угодно, да еще выручить на этом кругленькую сумму.

Ее имя – Лиа. Лиа Риалатио. Она родом из Мессантии Аргосской и служит у знатной офирской дамы, графини Клелии Кассианы диа Лаурин. Молодые люди познакомились всего день назад при не совсем обычных обстоятельствах, но, кажется, прониклись взаимной симпатией.

Наконец им удастся убедить друг друга, что любая разлука только предвещает новую встречу, Лиа протискивается в щель между никогда не запирающимися створками ворот, и убегает вниз по Обманному переулку, торопясь вернуться к госпоже.

Хисс долго смотрит ей вслед, потом, покачиваясь, бредет через двор к крыльцу в три ступеньки и вдруг останавливается, озадаченно уставясь на неведомо откуда взявшийся предмет – нечто вроде крохотной молельни, устанавливаемой в честь кого-то из богов на перекрестках или площадях. Сооруженьице чуть пониже человеческого роста, выстроено из черного мрамора, украшено четырьмя витыми колоннами дымчато-серого хрусталя и завершается остроконечной крышей с тонким серебряным шпилем. Глубокая ниша, прорубленная на высоте двух третей от земли, ограждена мелкой железной сеткой, утопленной по краям в камень, и на первый взгляд пустует.

– Хм, – Рыжий обходит вокруг молельни. Боязливо тыкает в нее сначала подобранной щепкой, затем пальцем, убеждаясь, что белая горячка и последствия бурно проведенной ночи совершенно не при чем. Камень настоящий – твердый и холодноватый.

Ничего не решив и не поняв, Хисс взбирается по ступенькам, вламываясь в таверну и озираясь в поисках приятелей.

Нужно заставить кого-нибудь взглянуть на это диво. Двоим не может мерещиться одно и то же. Если молельню увидит другой человек, значит она самая что ни на есть всамделишная. Откуда она могла взяться?

У погасшего камина кто-то спит, по-звериному свернувшись и подстелив под себя вытертую овечью шкуру, обычно используемую как коврик перед лестницей на второй этаж. Хисс толкает спящего ногой и мгновенно отскакивает, привыкнув, что у этого типа реакция получше, чем у маленьких, но смертельно ядовитых змеек.

Однако сегодня такой день, когда нарушаются любые правила. Человек не подает признаков жизни. Только после второго пинка слышится слабое недовольное ворчание.

– Подъем! – орет Хисс, заставляя слуг испуганно оглянуться. – Малыш, враги повсюду!

– Врешь ты все, – бурчит ломающийся юношеский голос с непривычным для здешних краев гортанным акцентом. Его обладатель пытается сесть, теряет равновесие, хватается за голову и изрекает несколько энергичных, но насквозь

непонятных фраз. Хисс с затаенным удовольствием наблюдает за мучениями приятеля, ибо нет ничего приятнее глазу, чем вид страданий ближнего твоего. Смилостивившись, Рыжий приносит один из заранее выставленных на стойку кувшинов с холодной водой и сует в руки юнцу.

Ночевавший на полу человек – именно юнец, пятнадцати или шестнадцати годков от роду, хотя обычно ему дают лет двадцать. Мальчишка выглядит странноватым даже для такого суматошного города, как Шадизар, где проживают обитатели почти всех стран Материка. Долговязый, жилистый подросток с гривой жестких волос цвета оседающей на стенах каминов сажи, и ярко-голубыми глазами, из которых никогда не пропадает выражение бдительной настороженности. Как у животных, пребывающих в ожидании опасности даже тогда, когда мир вокруг совершенно спокоен.

Мальчишку зовут когда Малышом, когда Медвежонком. Его настоящее имя – Конан, название его родины, лежащей где-то на варварской Полуночи – Киммерия. Впрочем, тут не принято проявлять излишнее любопытство к вашей прошлой жизни и выяснять причины, по которым вы оказались там, где пребываете ныне. Малыш живет в «Норе» около трех лун, ничем особенным себя пока не проявил, и в основном занят безнадежными попытками осознать правила суматошной городской жизни.

В чем, бесспорно, нельзя отказать Малышу, так в редкостном здравомыслии. Потому Хисс и счел, что никто другой не сможет лучше развеять примерещившийся ему морок в виде черной молельни.

Пока Хисс втолковывает мальчишке, что от него требуется, сверху спускается еще один постоялец, мающийся от последствий вчерашних возлияний. Джай Проныра, Джейвар Сигдим – местный уроженец до мозга костей и признанный глава Компании. Услышав сбивчивый рассказ Хисса, он вопросительно хмурится и решает, что пойти надо всем. Вдобавок, вчера вечером Ши плел что-то насчет очередных превращений их многострадального нужника.

* * *

Метаморфозы обычной деревянной будки на заднем дворе трактира уже седмицу служили предметом для волнений и обсуждений всех жильцов. Причиной сих странных явлений послужил непонятный золотой жезл, вроде бы

обладавший магическими свойствами. В таверну его принесли Джай и Конан, прихватив в числе прочей добычи в доме члена городского Совета. Под веселую руку и по чистой случайности Феруза умудрилась оживить золотую спицу с аметистом на верхушке, и та проделала дыру в границе, разделяющей мир людей и потусторонних созданий. Сквозь это отверстие явился Пузырь – уродливое летающее создание, сплошная пасть и бездонный желудок. Общими усилиями незваного гостя выбросили за порог, и он отправился путешествовать по Шадизару, пожирая то, что казалось ему привлекательным.

К нынешнему дню за Пузырем числился разгром в игорном доме «Сбывшиеся надежды», обглоданные колонны дома городского Совета, обезглавленная статуя Митры перед главным городским храмом и десяток более мелких проделок. На людей он пока не нападал, а кое-кто из практикующих колдунов и магов предлагал изрядное вознаграждение смельчаку, готовому рискнуть и изловить непонятное существо для более близкого изучения.

Испуганный Ши Шелам, не долго думая, швырнул загадочный жезл в выгребную яму.

Спустя день оттуда хлынул поток пестрой, однако безобидной нечисти – оранжевые сколопендры в зеленую полоску, синие кошки и скорпионы со стрекозиными крыльями. Затем облупившаяся деревянная будка обрела дар речи и начала проповедовать близящийся конец времен.

...Обитатели постоянного двора «Уютная нора» стоят вокруг неузнаваемо изменившегося нужника, растерянно переглядываются и пытаются сообразить, что же это такое. К Джаю, Хиссу и Малышу присоединился Райгарх – трактирный вышибала и по совместительству приятель хозяйки, такой же, как и Лорна, бывший наемник на покое. Чуть попозже являются Ши и Кэрли, и замешкавшиеся Аластор и Феруза. Последней приходит Лорна. Увидев своеобразное добавление к постройкам таверны, бритунийка изумленно свистит и задает пока не высказанный никем вслух вопрос:

– Ребятки, что нам делать с этой штуковиной?

Похороны с пожаром и наводнением

Кодо Ходячий Кошмар поднимался по скрипучим ступенькам Старой Лестницы, лепившейся к склону холма, одновременно убеждая себя в том, что давно следовало привыкнуть к непредсказуемости этого растреклятого города и его жителей. Кто-кто, а он изучил шадизарские порядки на собственной шкуре, пройдя долгий путь от вожака уличной шайки подростков до нынешнего завидного положения правой руки Назирхата уль-Вади, не признаваемого официальными законами старшины квартала Нарикано. Тем не менее, жизнь не уставала преподносить новые сюрпризы, и Кодо терялся в догадках – к добру эти перемены или к худу? Неужели он потерял доверие хозяина?

«Все беды – от треклятого зингарца, – зло размышлял Кодо. – Какой демон приволок сюда этого напыщенного благородного дона? Почему Назирхат решил с ним связаться? Кто он такой? Кебрадо Эльдире лос Уракка, граф Ларгоньо – нате, подавитесь! Спесивый расфуфыренный хрыч с толстым кошельком! Думает, раз у него полные карманы золота, так он король и бог? Как бы не так! Это наш город и наша страна! Никакие раззолоченные вонючки с Побережья никогда не станут здесь командовать!»

Для подобного раздражения имелись веские основания. Подозрительный гранд из Зингары явился не далее, как два дня назад, и завоеванные с потом и кровью позиции Кодо внезапно начали рушиться.

Начать с того, что Назирхат не позволил своему верному помощнику присутствовать на беседе с таинственным визитером с Полуденного Побережья, не пожелал раскрывать подробностей разговора и вообще низвел Кодо до уровня мальчика на побегушках.

Естественно, Кодо возмутился и потребовал объяснений.

Почтеннейший господин уль-Вади, сложив руки на внушительного вида брюшке и масляно прищурив узкие глазки отпрыска заморийца и уличной девицы из Хаурана, втолковал разъяренному подручному: беспокоиться совершенно не о чем, любая шавка, посмеявшая твякнуть на Кодо, немедленно будет удушена собственным языком, а в его, Назирхата, голове нынче родился небольшой замысел, деталей которого он пока не отшлифовал, но заранее уверен – Кодо понравится. Что до дона Кебрадо, пусть его пыжится и надувается. Главное – он

щедро платит за нужные ему услуги и потому волен вести себя, как ему вздумается. Не стоит обращать внимания. Зингарцы такие, с рождения жареным петухом в задницу клюнутые. Вместо того, чтобы расстраиваться из-за пустяков, Кодо вполне мог бы заняться полезным делом.

– Каким? – мрачно спросил Кодо.

Выяснилось, что нужно навестить одного человека, проживающего в квартале Нарикано, и узнать, чему тот подумывает посвятить ближайшую седмицу. Кодо кивнул и вышел, ничуть не успокоенный, но еще более встревоженный.

Ибо человека, к которому отправил его Назирхат, звали Аластором. Аластором – Дурным Глазом, способным открыть любой замок и проникнуть в любую сокровищницу. Последний идиот способен выстроить цепочку связей – раз уль-Вади потребовался Аластор, значит, готовится нечто крупное. Только что?

Перебрав все возможности, Кодо решил, что ни одна из них не кажется ему привлекательной и впал в тихую ярость.

Назирхат строит грандиозные планы, а его помощник, его правая рука на протяжении доброго десятка лет, не имеет представления о том, что происходит! Никак мир рушится? Или всего-навсего подходит печальный конец карьеры Кодо Ночного Кошмара, Кодо – грозы должников, способного извлечь доход даже из камня? Неужели какая-то молодая, да ранняя сволочь метит на его место?

Финальной каплей, переполнившей чашу недовольства Кодо, стало маленькое досадное происшествие, случившееся в конце беседы громилы и его покровителя. Почтеннейший уль-Вади никогда не позволял себе подобных выходов, и Кодо несколько опешил, не зная, счесть эпизод попыткой оскорбления или очередной проверкой на верность и выдержанность.

Кодо, о чем знал весь Шадизар, владел обширным собранием традиционных воровских талисманов, так называемых Отмычек Бела, представлявших собой связку в пять-десять разнообразных ключей на едином кольце. Они, разумеется, ничего не открывали, служа лишь символом бога воровства и, по утверждению владельцев, принося удачу в деле. Коллекция Кодо насчитывала около трехсот амулетов, искусно выполненных из золота, серебра, бронзы и драгоценных

камней, и не существовало лучшего способа подольститься к Ходячему Кошмару, чем преподнести ему новый экземпляр Отмычек.

Недавно угодивший в руки Кодо трофеем вполне заслуживал того, чтобы стать подлинной жемчужиной собрания. Громила захватил его у уличного ворюги Ши Шелама в качестве выкупа и никак не мог заставить себя расстаться с позвякивающей, сверкающей гроздью, присовокупив ее к прочим сокровищам. Носил в кармане, доставал полюбоваться, крутил на пальце – пока не привлек внимания Назирхата. Тот пожелал ознакомиться с очередной добычей Кодо поближе. Правая рука уль-Вади не слишком охотно рассталась с блестящей побрякушкой, смутно предчувствуя готовящийся подвох.

Кодо не ошибся. Ключи так приглянулись Назирхату, что старшина квартала решил оставить их себе: «Ты ведь не возражаешь, правда?»

Проглотив крутящиеся на языке возмущенные реплики, Кодо ограничился вымученным кивком. Связка переменяла владельца, и Ходячий Кошмар добавил к мысленному перечню поступков, требующих непременно возмездия, еще одну памятку. В конце концов, уль-Вади тоже смертный человек, совершающий ошибки, которые могут ему дорого обойтись.

...Старая лестница завершилась широкой площадкой, облюбованной продавцами всякой мелочи, зазывалами, уличными игроками в зернь и «Три скорлупки», выискивающими новую жертву, и неизменными девицами, бросающими по сторонам многообещающие взгляды. Появление в этом крохотном мирке Кодо и его свиты – трех зверообразных громил, не обремененных мозгами, зато с удовольствием выбиваемыми упомянутые мозги у других – вызвало ту же панику, что сопровождает визит щуки в тихую заводь. Не расплатившиеся должники, личности, догадывавшиеся, что ходят в немилости у Кодо или промышлявшие на чужой территории, стремительно брызнули по сторонам, растворившись в пропахшем пылью и нечистотами городском воздухе. Оставшиеся поторопились с изъявлениями безоговорочной преданности – лишний поклон спины не ломит. Кодо снисходительно кивнул льстиво улыбавшимся красоткам, перекинулся парой слов с замшелым главой местного цеха нищих и ощутил слабый подъем настроения. Благородные задаваки приходят и уходят, Шадизар пребудет неизменным, а он, Кодо, постарается не отдать свое место без боя.

* * *

Возле стоявших приоткрытыми ворот трактира «Уютная нора» клубилось некое столпотворение – не слишком большое, но нездорово оживленное. Раздавались смешки, удивленные возгласы, кто-то заливисто присвистнул и расхохотался в голос. Кодо и его сопровождающим пришлось расталкивать толпу, пробиваясь в первые ряды.

Увидев творимое действо, Кодо озадаченно потряс коротко стриженной головой, затем утробно фыркнул и зашагал к крыльцу, обходя участников непонятного представления стороной и гадая, что они затеяли на сей раз.

Торжественно шествовавшая по двору процессия отчасти напоминала церемонию похорон. Возглавляли ее Ши Шелам, тщетно крививший постную физиономию, и мальчишка-варвар, приставший к Компании в конце весны. Они тащили носилки, заваленные ворохом разноцветных тканей, на которых красовалась большая кхитайская шкатулка – из тех, что купцы привозят из-за Вилайета через Туран. На лакированных черных боках коробки играли солнечные лучи, среди причудливых цветов танцевали рогатые драконы в золотой броне и с перламутровыми глазками. Присмотревшись, Кодо заметил торчащий из шкатулки длинный чешуйчатый хвост какого-то животного, и недоуменно прищурился.

Позади траурных носилок следовали девушки – гадалка Феруза и разбитная мошеница Кэрли. Девицы рыдали в голос, иногда срываясь на истерическое хихиканье, заламывали руки, причитали и всячески старались подражать наемным плакальщицам. Между ними ковылял Хисс, прижимая к глазам огромный шелковый лоскут, выполнявший роль платка, и оглашая двор скорбными воплями – прикидывался безутешным наследником.

Иногда у него подкашивались ноги и он совершал попытку рухнуть на вытершиеся булыжники. Кэрли и Феруза хватали его под руки, жалостно уговаривая не порывать с жизнью и не бросать осиротевшую семью на произвол судьбы. Троица украдкой передавала друг другу небольшой кувшин и, приложившись к источнику живительной влаги, надрывалась с удвоенной силой.

За девицами и Хиссом шли Джай Проныра и кое-кто из зевак, решивших присоединиться к странным похоронам и изображавших толпу прихлебателей,

надеющихся поживиться на чужом горе. Как и положено, они громким шепотом обсуждали убранство погребального катафалка, старания плакальщиц, возможное завещание покойного и сумму оставленных им долгов.

Разномастное сообщество рывками передвигалось вокруг издыхающего фонтана. На обвалившемся парапете восседал Райгарх, мрачный, как грозовая туча или прогоревший ростовщик-ше-мит, и пристально наблюдал за церемонией.

В дальнем углу двора громоздилось необычное сооружение – в свой прошлый визит Кодо его не заметил. Островерхая часовенка из черного с белесыми прожилками камня, украшенная тонким серебристым шпилем. Компания окончательно спятила, решив обзавестись собственным святилищем? Тогда какому богу оно посвящено? Кодо не припоминал ни одной местной религии, где требовалось возводить подобные молельни. Может, постояльцы «Норы» стянули загадочную штукуну у жрецов в надежде перепродать какому-нибудь собирателю редкостей?

На потрескавшемся крыльце в три ступеньки в обществе кувшина с вином и пары вываливших языки сторожевых псов расположилась Лорна, меланхолично созерцавшая новую выходку своих жильцов. Увидев Кодо, трактирщица дружелюбно кивнула, подвинулась и хлопнула ладонью по пыльной ступеньке. Не усмотрев в приглашении ничего, могущего повредить его авторитету, Кодо грузно уселся рядом с бритунийкой и полюбопытствовал:

– Хозяйка, что у вас творится?

– Похороны, – бесстрастно отозвалась Лорна, в чьих серых глазах отплясывал, кувыркался через голову и дразнился целый сонм проказливых демонят.

– И кого хоронят? – уточнил Кодо.

– Мириану.

– Какую Мириану? – не отставал громила.

– Райгархову, – трактирщица хмыкнула, решив, что достаточно помучила собеседника, и соизволила разъяснить подробнее: – Ксилу, туранскую пустынную ящерицу. Райгарх ее держал вместо кошки – вроде как домашняя любимица. Какой-то из оболтусов позавчера случайно на нее наступил. Разумеется, тварюга издохла. Райгарх узнал и взбесился. Начал кричать, что всех перебьет, но дознается, кто прикончил его ненаглядную скотинку. Этих идиотов хлебом не корми, дай дурака повалить. Они немедля предложили устроить бедной животине роскошные проводы, и целое утро таскаются с ней по двору.

– Ясненько, – протянул Кодо. Он отчетливо слышал протестующий визг своего разума, куда тщетно пыталась вместиться мысль о торжественных похоронах ящерицы-ксилу. – Вообще-то я к Аластору пришел... Он дома?

– Кто поминает имя мое всеу? – зловеще прошипели сзади. Кодо поспешно оглянулся. Трактирщица не шевельнулась.

Из-за приоткрытой двери таверны выбрался Аластор. Он раздобыл где-то просторный черный плащ, болтавшийся на нем, как на палке, и деревянную лицедейскую маску в виде оскалившего зубы черепа. Получился эдакий ходячий мертвец с подозрительно живыми зрачками, весело блестящими в пустых глазницах личины.

– Гм, – протянул Кодо, не решив, как стоит воспринимать перевоплощение взломщика в Духа Смерти – высмеять или поддержать игру.

– И он туда же, – горько вздохнула Лорна. – Альс, тебе кой годик стукнул? Решил на старости лет в фигляры податься?

– Вечно серьезное выражение лица, да будет тебе известно, плохо сказывается на работе желудка и приводит к излишнему скоплению зеленой желчи, – не замедлил с ответом Аластор. – Мое почтение, Кодо.

– Я насчет... – заикнулся подручный Назирхата.

Взломщик нетерпеливо отмахнулся «Потом, потом!» и сиганул с крыльца, завывая и размахивая лапами накидки. Сие, как видно, обозначало приход гонца с Равнин Смерти за душой усопшего.

Носильщики, плакальщицы, наследник и гомонившая свита с готовностью рухнули на колени. Откуда-то (вероятно, с улицы) донеслась заунывно-тоскливая мелодия, перемежаемая надрывными всхлипами и позвякиванием железа о железо.

Аластор разразился выпрренной и не слишком приличной речью, живописуя многочисленные душевные и телесные достоинства покойницы. В паузах, пока оратор переводил дух, участники церемонии дружно голосили, щедро посыпали друг друга подобранной тут же красноватой пылью и отчаянно старались не расхохотаться.

– Детки-переростки, – снисходительно пробормотала трактирщица и отхлебнула из кувшина. – Никогда не повзрослеют.

Слегка охрипшее общество наконец перебралось к закутку между углом дома и птичником, где красовались заранее сложенные на старую повозку и щедро политые маслом вязанки хвороста: после вдумчивого обсуждения трупик Мирианы в соответствии с варварскими традициями решили предать огню. Шкатулку с подобающим трепетом закрыли крышкой и водрузили поверх сухих веток. Хисс завопил так, будто его пытались зарезать или охолостить, девицы повисли на нем с двух сторон, оттягивая в сторону от будущего кострища.

– Угомонитесь, угомонитесь, – Джай, присвоивший себе должность распорядителя, жестами и тычками расставил пестрое сборище полукругом. – Дух! – призыв относился к Аластору. – Не скачи, как игривый козел! Встань смиренно и вой потихоньку! Где... э-э... ближайший родственник усопшей? Райгарх, поди сюда! Молви что-нибудь на прощание, да и спалим страдалицу.

Асир поднялся с парапета, тяжеловесно прошагав к заваленной сушняком повозке. Общество слегка притихло – частично из уважения к разлуке вышибалы с верной ящерицей, частично из опасения схлопотать подзатыльника за невовремя отпущенную остроту и тем испортить затею.

– Прожили мы вместе долгую и трудную жизнь, – сурово и мрачновато-торжественно начал Райгарх, – повидали немало радостей, горестей и прочего добра, какого вам, дармоедам и лентяям, и не снилось... – он обвел слушателей подозрительным взглядом, выискивая скрытые ухмылки, таковых не обнаружил и проложил: – Однако никакое счастье не длится вечно. Потому сегодня, когда

суждено нам навечно проститься с Мирианой, образцом благонаравия, кротости и добродетельности среди ящериц...

Кэрли тихонько хихикнула. Райгарх понял, что увлекся, подражая туранской высокопарности, и завершил речь просто и коротко:

– В последний раз спрашиваю, мерзавцы – кто? Кто угробил бедную невинную скотинку? Бить не буду, обещаю!

– Да в суматохе не заметили ее, вот и придавили по случайности, – заикнулся Ши, отлично знавший, кто виновен в смерти хвостатой твари. Вина целиком и полностью лежала на Конане. Природная способность ксилу менять окраску в зависимости от окружающих предметов сыграла с ней дурную шутку.

По ведомым только ей соображениям ящерица повторила очертания и цвет лежавшего на столе длинного кинжала в ножнах. Когда Малыш, уверенный, что перед ним обычное оружие, схватил ее за хвост, зверюга пустилась бежать. Мальчишка, не вдаваясь в долгие размышления, треснул удирающим «кинжалом» по краю стола.

Такого обращения, само собой, не выдержит самое стойкое животное...

Опасаясь справедливого возмездия, Ши предложил уложить трупик ящерицы на лестнице – авось, кто-нибудь наступит. Разумеется, принимать на себя ответственность и гнев владельца ксилу не хотелось никому, и покойница Мириана пережила ряд утомительных перемещений с места на место, пока чья-то добрая душа не спрятала ее на трактирном леднике.

По правде говоря, никто, кроме Райгарха, не испытал особого сожаления, узнав, что Мириана отдала концы. Ящерица была воровата, вредлива и постоянно совала нос, куда не следует. Привлекательностью она тоже не отличалась – бородавчатая, в наростах и складках, с чрезвычайно напыщенной мордой, украшенной маленькими рожками.

* * *

Убедившись, что никто из друзей-приятелей не собирается каяться в совершенном убийстве, асир зловеще выпятил челюсть и рявкнул:

- Тогда слушайте, что я скажу! Вы будете хоронить ее столько раз, сколько потребуется той трусливой душонке, чтобы признаться! Поняли?

- Чего? - переспросил оторопевший Джай. - Райгарх, ты случаем, на солнышке не перегрелся?

- Очень смешно, - Аластор снял личину черепа, откинул капюшон и изумленно уставился на вышибалу. - Райгарх, да что с тобой, в самом деле? Это всего лишь ящерица!

- Лорна не разрешит хранить ее в кладовке, - многозначительно вставил Ши, помахивая висящим на цепочке горшком с раскаленными углями внутри. - Так я поджигаяю?

- Да!

- Нет. Ши, стоять!

На Райгарха снизошло знаменитое варварское упрямство, когда человек способен голыми руками разделаться с десятком вооруженных противников или поссориться с лучшими друзьями только ради того, чтобы настоять на своем. Зеваки, почуявшие, как веселая шутка грозит вот-вот обернуться чем-то опасным для жизни, предусмотрительно отступили к воротам. Маленькая толпа на улице на удивление быстро рассеялась. Лорна насторожилась и подалась вперед, готовая вскочить на ноги и вмешаться. Кодо, за компанию с трактирщицей приложившийся к кувшину, презрительно фыркнул. Хисс и девушки попятнулись. Впрочем, Феруза немедленно попыталась разрешить дело миром, прибегнув к доводам разума:

- Райгарх! Райгарх, послушай мне тоже жаль Мириану. Но какой прок в том, чтобы хранить то, что от нее осталось? Раз она была дорога тебе, не лучше ли достойно похоронить ее и затем искать виновного? Что толку, коли трактир пропахнет дохлой ящерицей? Она вполне могла погибнуть сама - от болезни или старости...

– Или от того, что ей проломили голову, – неумолимо продолжил вышибала. Феруза смешалась и умоляюще глянула на друзей в поисках поддержки. – Я жду ответа! Или мы сейчас отнесем ее обратно, а завтра повторим все заново!

– Даже не мечтай, – бритунийка, только что скучавшая на крыльце, каким-то чудом оказалась рядом с Компанией. – С меня вполне достаточно двух дней, пока твоя драгоценная тухлятина валялась на леднике. Ши, заканчивай балаган.

– Угу, – воришка замахнулся, чтобы провести яркую огненную черту под жизнью туранской песчаной ящерицы. Райгарх попытался перехватить летящий горшок, но не успел – тот врезался в выступ на стене дома и с хрустом раскололся. Красно-черные угольки брызнули по сторонам, по большей части угодив на высушенный солнцем и пропитавшийся маслом хворост. Сушняк мгновенно вспыхнул, дрожащая волна жара заставила столпившихся вокруг людей отступить. Черные бока шкатулки украсились выпуклыми пузырями плавящегося лака, позолота на чешуйках драконов тоненькими ручейками потекла вниз. Запахло паленой древесиной и подгорающим мясом, к небу устремился сизоватый дымок.

– И вознеслась душечка Мириана на ящеричьи небеса, где полно мух величиной с цыпленка, а мокрицы сами прыгают в пасть, – вполголоса провозгласил Джай. – Туда ей и дорога.

– Ибо нет в мире ничего, заслуживающего названия «вечного», и любому из живущих суждено переступить порог, за которым начинается Непознаваемое, – поддержал его низкий, раскатистый Голос, в котором смешивались безмерная усталость от жизни и эдакое затаенное самолюбование.

Постояльцам «Норы» уже доводилось слышать подобные речения (они доносились из неузнаваемо переменившегося нужника), однако прежде таинственное создание не позволяло себе такой наглости – вмешиваться в людские дела. Преображенная будка тихо сидела около птичника, развлекаясь тем, что проповедовала совершенно равнодушным к ее речам гусям и уткам.

– Заткнись, – кратко огрызнулся Райгарх, невзлюбивший Голос с первого изданного им звука.

– Отвращающий слух свой от слов истины добровольно обрекает себя на вечную слепоту и глухоту, – не пожелал оставаться в долгу Голос. Теперь становилось ясно, откуда он доносится – из ниши мраморной молельни. Якобы намертво заделанная в камень решетка свободно покачивалась, чуть слышно поскрипывая, в глубине выемки мерцало призрачное голубовато-золотистое сияние, точно там обосновалось семейство светлячков. Философствующий бестелесный Голос иногда заглушался отдаленным пронзительным воем ветра и звуками, напоминающими бряцание тяжелых цепей.

– Как вы это делаете? – заинтригованный Кодо поднялся, вперевалку приблизился к странной кумирне и заглянул в нишу. – Запихали кого-нибудь внутрь?

– Само треплется, – рассеянно отозвалась Кэрли.

Хворост частично прогорел, облупившаяся и покоробившаяся шкатулка свалилась в глубины между вязанками. Дно повозки грозило вот-вот развалиться. Вдохновленный растерянным людским молчанием Голос разошелся вовсю:

– Как познать полноту и восторг Жизни, не существуй Смерти? Как оценить красоту дня, если в свой черед на землю не вступает ночь? Ночь, которая, как известно, старше и могущественнее дня, ибо сотворена первой? Кто сможет сказать, что изведает до конца все тайны ночных небес? Кто по праву произнесет: «Мне ведомо скрытое»? Истина кроется в молчании и тьме, и немного тех, кто отважится пройти ее до конца, кто шагнет за Порог не в страхе, но с разумом, открытым новым загадкам...

– Прелюбопытное учение, – озадаченно протянул Аластор. Он выглядел как человек, заподозривший нечто неладное, однако не разобравшийся толком, чем именно встревожен. – Смерть как ступень к новому познанию? Эхтендат Сольвийский, помнится, утверждал нечто подобное, так митрианцы быстренько заклеямили его растлителем душ и на всякий случай выставили из города...

– Сейчас он у меня получит новые знания! – Райгарх наконец обнаружил, на ком можно сорвать накопившуюся злость. – И подавится!

Не раздумывая о последствиях, асир ухватился за борт горячей повозки, толкнул изо всех немалых сил и опрокинул – прямо на молельню из черного камня. Основание капища утонуло в рассыпавшихся горящих ветках и заволоклось едким дымом, мгновенно наполнившим нишу. Голос растерянно поперхнулся и умолк.

– Зря ты с ним так... – начал слегка обескураженный Ши. Договорить ему не дали.

Молельня неистово закачалась из стороны в сторону. Из-под объятых разгорающимся пламенем фундамента судорожно выпростались восемь уже виденных обитателями постоянного двора огромных паучьих лап, завершающихся где когтями, а где лошадиными копытами, и принялись торопливо затаптывать огонь.

Кодо растерянно моргнул, протер глаза, снова проморгался и подумал, что настала пора изрядно уменьшить число еженощных возлияний. Мало просто разговаривающей молельни, теперь у нее ноги выросли... Что дальше? Встанет и пойдет?

Словно отвечая человеческим мыслям, мраморное сооружение тяжело ухнуло и воздвиглось на выпрямившихся конечностях, оказавшись локтя на два выше людей.

Короткая жесткая шерсть на лапах дымилась, покрываясь быстро расползающимися черными пятнами. Обитающее внутри существо зашло в лающем кашле.

Восемь ног, пребывавших в сильнейшем разладе между собой, перепутались, из-за чего раскачивавшаяся, как корабль на штормовых волнах, молельня описала пару кругов вокруг собственной оси, пошатываясь, выбралась на середину двора и, перевалившись через парапет, свалилась в чашу фонтана. Изъеденная солнцем и ржавчиной медная цапля с хрустом переломилась: голова полетела в одну сторону, туловище с ногами в другую.

– Хорошая была птичка, – невпопад заметил Ши, предусмотрительно высматривая путь к бегству.

Неуклюже перебирающая лапами постройка продолжала кружиться, выворачивая булжники, раскатисто чихая и бормоча нечто маловразумительное. Питавший фонтан источник, считавшийся почти пересохшим, неожиданно воскрес, выплюнув к сизо-голубоватому небу тугую струю воды и щедро окатив разбежавшихся зрителей. Досталось и молельне, шарахнувшейся в сторону и по счастливой случайности оказавшейся вблизи ворот.

Неизвестно, обладало ли сооружение зрением или его подобием, однако решения принимать оно умело. Часть ног согнулась, отчего молельня наклонилась, устремив вперед серебряный шпиль и став похожей на некий оживший таран. Лорна, сообразившая, что сейчас произойдет, яростно выругалась.

Бывший нужник трактира «Уютная нора» с треском врезался в полуоткрытые створки, сокрушил их и вылетел на улицу, оставляя за собой слабо различимый дымный шлейф и разлапистые мокрые следы. Оказавшись снаружи, молельня повернулась к изумленно вытаращившимся ей вслед людям и с отчетливо различимой язвительностью в голосе изрекла:

– Тратить слова на глупцов столь же бессмысленно, как извлекать воду из камня.

После чего, залихватски раскачиваясь, пошагала вниз по переулку, сопровождаемая испуганными воплями зевак, ругательствами и призывами о помощи ко всем богам сразу.

Разрушенный фонтан продолжал извергать воду, темными ручейками разбегающуюся между пересохших камней и превратившую догорающие вязанки хвороста в кучу грязи.

– Догнать? – не слишком уверенно поинтересовался Конан, обращаясь к Лорне. – Ведь всю округу перепугает...

Трактирщица подумала и отрицательно покачала головой:

– Ну его к демонам. Пускай катится, куда хочет.

– Погодите, погодите! – Кодо наконец смирился с тем печальным фактом, что происходящие вокруг события ему не мерещатся. – Вы что, всерьез хотите отпустить это шляться по городу?

– Коли тебе нечем заняться, можешь открыть на него охоту, – не слишком любезно буркнул Аластор и, спасаясь от прибывающей воды, забрался на крыльцо, втащив за собой безостановочно хихикавшую Ферузу. – У нас, как видишь, своих забот по горло. Ты вроде хотел мне что-то сказать? Так я слушаю. Причем, заметь, очень внимательно.

– Э-э... – Кодо совершенно не хотелось передавать поручение в такой обстановке, но, похоже, другого выбора ему не оставили. – Видишь ли, какое дело...

Его заглушила Лорна, прошлепавшая к захлебывающейся водой старой бронзовой трубе. Оценив величину разрушений, трактирщица сердито заорала, приказывая постояльцам не торчать на месте, изучая собственные задницы, а шевелиться – волочить доски, мешки с песком, камни, в общем, любые предметы, годные для сооружения временной затычки. Джай отправился посмотреть, что случилось с воротами, ныне валявшимися посреди улицы. Остальные, переругиваясь и взаимно обвиняя друг друга в скудоумии и непредусмотрительности, нехотя принялись за работу.

* * *

Объединенные усилия иногда приносят неплохой результат. Теперь посреди двора громоздился неопрятный холмик из мешков, валунов и рассыпанной земли, зато фонтанирующая прорва утихла, оставив на память быстро высыхающие лужицы. Лорна бродила вокруг и озабоченно прикидывала, что выгоднее и обойдется дешевле: устроить новый водомет или вырыть колодец. Фонтан, конечно, доказывает обеспеченность владельца таверны и его хороший вкус, однако дополнительный колодец в задыхающемся без воды Шадизаре куда полезнее.

Одну створку ворот стараниями Джая, Конана и дававшего ценные указания Ши удалось кое-как приладить на место. Дела со второй обстояли хуже – спятившая молельня выворотила и без того слабо державшиеся проржавевшие петли. Пришлось ограничиться тем, что втащить половинку бывших ворот во двор и

прислонить к забору.

–...Ворота сломали, фонтан развалили, грязи навели, – хмуро перечисляла бритунийка, возясь за стойкой с закупоренным бочонком. Компания, убежденная, что ее честные и тяжкие труды заслуживают бесплатной выпивки за счет заведения, пропустила справедливые обвинения хозяйки «Норы» мимо ушей. – Не говоря уж о перебитой посуде и ломаных скамейках. Чует мое сердце, скоро вы не оставите от бедного трактира камня на камне. Мне придется пойти по миру с протянутой рукой!

– В которой будет зажат дли-инный меч, – Проныра развел руки в стороны, наглядно показывая величину клинка. – Дабы ни у кого из встреченных на глухой лесной дороге путников не возникло сомнений – перед ними несчастная обобранная женщина, мечтающая только о парочке медных монет.

– Золотых, – серьезно поправила трактирщица. – Неужели ты всерьез полагаешь, что мне хватит пары каких-то жалких медяков?

– Смотря для чего...

– Между прочим, вы даже не подозреваете, какую услугу нам оказали! – с заднего двора явился Ши, строивший чрезвычайно загадочную физиономию.

– Гуси превратились в летающих свиней, курицы – в павлинов, утки сами начинились фисташками и изжарились, – меланхолично предположил Аластор.

– Гораздо хуже, – фыркнул Ши. – Идите, посмотрите!

Уставшее и заполучившее свое угощение общество никуда идти не хотело. Ши хихикал и уверял, что на случившееся стоит взглянуть. Первой не выдержала и поднялась со скамьи Феруза, пробормотав, что любопытство губит не только кошек. За ней понемногу потянулись и остальные.

Обещанное зрелище, впрочем, стоило краткой прогулки по черному ходу таверны.

Там, где прежде торчал сколоченный из невесть где прибранных досок и перекошенный на левый бок нужник, теперь красовалась выкопанная в песчаном грунте глубокая яма.

Окруженная пыльными лопухами, со слегка осыпавшимися краями, абсолютно пустая, сухая и чистая. Джай, в последние дни переставший доверять собственному зрению, осторожно приблизился к оплывшему срезу и носком сапога спихнул вглубь подвернувшийся камешек. Тот послушно канул вниз, вскоре долетел глухой звук удара.

– А жезла, который мы туда уронили, не видно? – Кэрли, вытянув шею и стараясь держаться подальше, боязливо заглянула в яму.

– Отсюда не разглядеть, – отозвался Ши. – Можно попробовать спустить вниз фонарь на веревке... или слазать кому-нибудь.

– Ты не хочешь? – любезно предложила трактирщица. Воришка замотал головой и на всякий случай сделал пару шагов назад, поближе к спасительной двери черного хода.

– Благодарствую, меня уже пытались туда отправить.

– Тогда в самом деле раздобудь лампу, – распорядилась Лорна. – И бечевку подлиннее и покрепче. Глянем, не завалилось ли там чего полезного.

Надежды трактирщицы не оправдались – глинистое дно вопиюще пустовало. Хисс и Кэрли быстро потеряли интерес к розыскам и, пошептавшись, улизнули из трактира по своим делам. Аластор вежливо-ехидно осведомился, как Лорна собирается использовать яму, чудесным образом очистившуюся от непривлекательного на вид, цвет и запах содержимого?

Не следует ли теперь считать это место благословенным, распустить побольше слухов и брать деньги за разрешение хоть одним глазом увидеть небывалое?

Бритунийка привычно отругнулась и задумалась. Трактир лишился нужника, зато обзавелся подозрительной яминой.

Куда в ближайшее же время наверняка свалится какой-либо из постояльцев, находящийся в помраченном состоянии ума и духа. Придется вернуть яме ее первоначальный смысл. Проще говоря, взять доски, гвозди, пилу и соорудить новый нужник.

Идею не одобрили. Вернее, дружно согласились с тем, что не годится оставлять посреди двора эдакий провал, однако каждый вспомнил о неотложном и срочном занятии. Ши поступил проще всех, откровенно заявив: физическая работа ему претит и вообще он в жизни не держал в руках ничего, хоть отдаленно напоминающего молоток.

- Найми кого-нибудь, - посоветовал воришка.

- Как крушить все подряд, так они первые. Как сколотить пару досок - позовите дядю, - немедленно заворчала трактирщица. - Дядя-то за «спасибо» трудиться не станет... Кто, между прочим, бросил туда треклятую штуквину?

Ши сделал вид, будто страдает врожденной глухотой и не понимает намеков.

- Я сделаю, - обозначил свое присутствие как обычно помалкивавший и пристально наблюдавший за приятелями Малыш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/loknit_olaf-b-orn/tanec-pustoty

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)